

ОДИССЕЙ

2010
2011

Шекспир и Мэрилин Монро
в Салоники, а также в Милане и Париже

Древняя Греция, искусство и философия
в контексте новейших археологических
открытий

Античные традиции в современном искусстве
«Сфинксы» — Ольга Свиблова

Симон Геймлер и Николай Анисимов

ИСКУССТВО

УДК 94
ББК 63.3(0)
О-42

Издание основано в 1989 году

Главный редактор А.О. ЧУБАРЬЯН

Редакционная коллегия:

Л.М. БАТКИН, Г.В. БОНДАРЕНКО, И.Г. ГАЛКОВА,
И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, Б.С. КАГАНОВИЧ, О.Е. КОШЕЛОВА,
К.А. ЛЕВИНСОН, С.И. ЛУЧИНКАЯ (составитель и зам. главного редактора),
С.В. ОБОЛЕНСКАЯ, А.А. ПАНЧЕНКО, М.Ю. ПАРАМОНОВА,
Л.П. РЕПИНА, А.В. ТОЛСТИКОВ (ответственный секретарь),
П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, В. ВЖОЗЕК, Н. ЗЕМОН ДЭВИС,
Вяч.Вс. ИВАНОВ, Ж. Ле ГОФФ, Ж.-К. ШМИТТ,
О.Г. ЭКСЛЕ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук И.П. ГЛУШКОВА,
кандидат исторических наук С.Г. ЯКОВЕНКО

Одиссей : человек в истории / Ин-т всеобщ. истории. – М. : Наука, 1989– .

2010/2011 : Школа и образование в Средние века и Новое время / [гл. ред. А.О. Чубарьян]. – 2012. – 000 с. – 15ВК 978-5-02-037561-1.

Альманах посвящен теме образования и религиозного воспитания в Европе от поздней античности до XX в. Разнообразные формы обучения и системы образования рассматриваются как один из важнейших инструментов формирования религиозной идентичности в европейском обществе. Рассматривается роль античной традиции в возникновении средневековой школьной системы в католическом и православном мире; исследуются проблемы национального и религиозно-конфессионального образования в странах Европы и Америки в Новое время. В разделе “Историк и изображения” публикуются статьи по средневековой иконографии. Другие разделы выпуска посвящены социальной истории, религиозной культуре средневековья и теории исторического знания. Большая часть материалов посвящена проблемам истории России, ее прошлому и актуальному настоящему.

Для историков, историков культуры, специалистов в области гуманитарного знания и более широкого круга читателей...

По сети “Академкнига”

ISBN 978-5-02-037561-1

- © Институт всеобщей истории РАН, 2012
- © Лучицкая С.И., составление, 2012
- © Коллектив авторов, 2012. Российская академия наук и издательство “Наука”, продолжающееся издание “Одиссей. Человек в истории” разработка, оформление), 1989 (год основания, 2012
- © Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 20102

СОДЕРЖАНИЕ

ШКОЛА И ОБРАЗОВАНИЕ В СРЕДНИЕ ВЕКА И НОВОЕ ВРЕМЯ

О.В. Ауров

“IN OMNI TEMPORE PARATUS ESTO AD INSTRUCTIONEM”: СТАНОВЛЕНИЕ ЦЕРКОВНОЙ ШКОЛЫ В КОРОЛЕВСТВЕ ВЕСТГОТОВ (VI–VII вв.).....

М.В. Рыбина

РЕЛИГИОЗНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ХРИСТИАН МУСУЛЬМАНСКОЙ КОРДОВЫ (IX ВЕК) .....

О.Е. Кошелева

ОБУЧЕНИЕ В РУССКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ТРАДИЦИИ .....

Л.А. Пименова

МАГИСТРАТЫ ПРОТИВ ИЕЗУИТОВ: СПОРЫ О НАЦИОНАЛЬНОМ И РЕЛИГИОЗНО-КОНФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ ВО ФРАНЦИИ В СЕРЕДИНЕ XVIII в. ....

И.М. Супоницкая

ДЖОН ДЬЮИ И “НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК” СОВЕТСКОЙ РОССИИ: ДВЕ УТОПИИ .....

Е.Ю. Рогачева

“НОВЫЕ ЛЮДИ ДЛЯ НОВОЙ ЭРЫ”: ВКЛАД ДЖОНА ДЬЮИ В РЕАЛИЗАЦИЮ ИДЕАЛА “НОВОГО ЧЕЛОВЕКА”

ИСТОРИК И ИЗОБРАЖЕНИЯ

А.Е. Махов

СТРУКТУРА СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБРАЗА И ИЗОБРЕТЕНИЕ ПОЛИФОНИИ .....

Д.И. АНТОНОВ, М.Р. МАЙЗУЛЬС

ДЕМОНЫ, МОНСТРЫ И ГРЕШНИКИ: НЕГАТИВНЫЕ ПЕРСОНАЖИ В ПРОСТРАНСТВЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ ИКОНОГРАФИИ.....

Ю.Ф. Игина

ИЗОБРАЖАЯ ВЕДЬМУ: ИКОНОГРАФИЯ ВЕДЬМ В АНГЛИЙСКОЙ ПАМФЛЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ .....

ИСТОРИЯ И ЛИТЕРАТУРА

В.Н. Малов

КРАХ ГЕРОИЧЕСКОГО ИНДИВИДУАЛИЗМА: “СОФОНИСБА” ПЬЕРА КОРНЕЛЛЯ.....

ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Отто Герхард Эксле

“ИСТОРИЯ ПОНЯТИЙ” – ЕЩЕ НЕ ПОНЯТАЯ ИСТОРИЯ.....

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

О.В. Хаванова

ОБРАЩЕНИЕ В КАТОЛИЧЕСТВО КАК АРГУМЕНТ
В МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА.....

РЕЛИГИОЗНАЯ КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Петер Динцельбахер

СУД ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ И СУД ВСЕМИРНЫЙ.....

Жан-Клод Шмитт

СНЫ ГВИБЕРТА НОЖАНСКОГО.....

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

Л.В. Вольфцун

МИХАИЛ ЭММАНУИЛОВИЧ ШАЙТАН ИЗ ИСТОРИИ ПЕТЕРБУРГ-
СКОЙ МЕДИЕВИСТИКИ 1920-Х ГОДОВ.....

ДЕЯТЕЛИ ИСТОРИИ И МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ

Л.Ф. Борусяк

“САМЫЕ ВЕЛИКИЕ...” .....

А.Г. Левинсон

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ О СТАЛИНЕ (ПО МАТЕ-
РИАЛАМ ЛЕВАДА-ЦЕНТРА) .....

ИСТОРИЯ РОССИИ: QUO VADIS?

А.А. Панченко

КОММУНИСТЫ ПРОТИВ СУЕВЕРИЙ: СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И “НА-
РОДНАЯ РЕЛИГИЯ” .....

Д.М. Володихин

ЧТО ЛИКВИДИРОВАЛИ, КОГДА ОТМЕНИЛИ ОПРИЧНИНУ? .....

М.Ю. Зенченко

“...ХОТЯТ ТАТАРОВЕ ТАМГИ И ДЕСЯТИНЫ” (ПО ПОВОДУ СПОР-
НОСТИ БЕССПОРНЫХ МНЕНИЙ О “ТАТАРСКОМ НАСЛЕДИИ” НА
РУСИ) .....

ПУБЛИКАЦИИ

М.Ю. Неклюдова

**ИЗГНАННИК ИЗ XVII ВЕКА: ШАРЛЬ ДЕ СЕНТ-ЭВРЕМОН И ЕГО “БЕ-
СЕДА Г-НА МАРШАЛА Д’ОКЕНКУРА С ОТЦОМ КАНЕ”** .....

SUMMARIES

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

АЛЛА ЛЬВОВНА ЯСТРЕБИЦКАЯ (1932–2010) .....

CONTENTS

SCHOOL AND EDUCATION IN THE MIDDLE AGES AND MODERN TIME.

O.V. Aurov

“IN OMNI TEMPORE PARATUS ESTO AD INSTRUCTIONEM”: THE
MAKING OF THE CHURCH SCHOOL SYSTEM IN THE VISIGOTHIC
KINGDOM (6TH-7TH C.) .....

M.V. Rybina

RELIGIOUS EDUCATION AND THE SHAPING OF CONFESSIONAL
AND CULTURAL IDENTITY OF THE CHRISTIANS IN 9TH CENTURY
MUSLIM CORDOBA.....

O.Ye. Kosheleva

TRAINING WITHIN THE MEDIEVAL RUSSIAN ORTHODOX
TRADITION.....

L.A. Pimenova

MAGISTRATES VS. JESUITS: DISPUTES CONCERNING NATIONAL
AND RELIGIOUS/CONFESSIONAL EDUCATION IN THE MID-18TH
CENTURY FRANCE

I.M. Suponitskaya

JOHN DEWEY AND SOVIET RUSSIA'S ‘NEW MAN’: TWO UTOPIAS ....

E.Yu. Rogatchyova

‘NEW PEOPLE FOR A NEW ERA’: JOHN DEWEY’S CONTRIBUTION TO
THE IMPLEMENTATION OF THE ‘NEW MAN’ IDEAL.....

THE HISTORIAN AND IMAGES

A.Ye. Makhov

THE STRUCTURE OF MEDIEVAL IMAGES AND THE INVENTION OF
POLYPHONY.....

D.I. Antonov, M.R. Maizuls

DEMONS, MONSTERS AND SINNERS: NEGATIVE CHARACTERS IN
THE SPACE OF THE OLD RUSSIAN ICONOGRAPHY .....

Yu.F. Igina

DEPICTING A WITCH: THE ICONOGRAPHY OF WITCHES IN EARLY
MODERN ENGLISH PAMPHLETS .....

HISTORY AND LITERATURE

V.N. Malov

THE COME-DOWN OF HEROIC INDIVIDUALISM: PIERRE COR-
NEILLE’S SOPHONISBE.....

THE THEORY OF HISTORICAL KNOWLEDGE

Otto Gerhard Oexle

‘HISTORY OF CONCEPTS’, A HISTORY YET TO BE CONCEIVED .....

SOCIAL HISTORY

O.V. Khavanova

CONVERTING TO CATHOLICISM AS AN ARGUMENT IN THE LATE
18TH CENTURY HABSBERG MONARCHY .....

THE RELIGIOUS CULTURE OF THE MIDDLE AGES

Peter Dinzelbacher

THE FINAL JUDGMENT: PERSONAL AND GLOBAL .....

Jean-Claude Schmitt

GUIBERT OF NOGENT’S DREAMS .....

THE HISTORIAN AND HIS TIME

L.V. Volftsun

MIKHAIL EMMANUILOVICH SHAITAN. A CASE IN THE HISTORY OF
MEDIEVAL STUDIES IN ST. PETERSBURG IN THE 1920’S .....

HISTORICAL FIGURES AND MASS CONSCIOUSNESS

L.F. Borusyak

‘THE GREATEST ONES’ .....

A.G. Levinson

THE RUSSIAN PUBLIC OPINION ON STALIN (BASED ON LEVADA-
CENTER SURVEYS) .....

RUSSIAN HISTORY: QUO VADIS?

A.A. Panchenko

COMMUNISTS AGAINST SUPERSTITIONS: THE SOVIET STATE AND
THE ‘POPULAR RELIGION’ .....

D.M. Volodikhin

WHAT WAS ELIMINATED AS THE OPRICHNINA WAS ABOLISHED? ....

M.Yu.l Zenchenko

‘... THE TARTARS DEMAND THE TAMGA AND THE TITHE’: ON THE
DISPUTABILITY OF INDISPUTABLE OPINIONS CONCERNING THE
‘TATAR LEGACY’ IN THE OLD RUS .....

PUBLICATIONS

M.S. Neklyudova

EXILED FROM THE SEVENTEENTH CENTURY: CHARLES DE SAINT-ÉVREMOND AND HIS CONVERSATION DU MARÉCHAL D'HOCQUINCOURT AVEC LE PÈRE CANAYE.....

SUMMARIES

IN MEMORIAM

Alla L'vovna Yastrebitskaya (1932–2010) .....

М.С. Неклюдова

ИЗГНАННИК ИЗ XVII ВЕКА:
ШАРЛЬ де СЕНТ-ЭВРЕМОН И ЕГО
“БЕСЕДА г-на МАРШАЛА д’ОКЕНКУРА
С ОТЦОМ КАНЕ”

В “Каталоге большей части французских писателей, появившихся в век Людовика XIV”, который служит приложением к “Веку Людовика XIV” (1751), Вольтер посвятил Сент-Эвремону довольно объемную статью¹. По его мнению, репутацию покойному писателю обеспечили «письма, писанные к придворным в те времена, когда слово “двор” произносилось с особой торжественностью, и посредственные стишки – так называемая “светская поэзия”, – сочиненные в избранном обществе ...»². По сути, автор “Века Людовика XIV” ратовал за изъятие Сент-Эвремона из литературного канона, что и стало свершившимся фактом на рубеже XVIII–XIX вв. Исключение было сделано лишь для одного его произведения, которое Вольтер, однако, приписал другому современнику Людовика: «Знаменитая “Беседа г-на маршала д’Окенкура с отцом Кане”, напечатанная в составе сочинений Сент-Эвремона, принадлежит Шарлевалю вплоть до краткого рассуждения о молинизме и янсенизме, которое Сент-Эвремон к нему присоединил. Стиль этой концовки сильно разнится с началом»³.

Вольтер стал первым, кто счел Сент-Эвремона недостойным авторства “Беседы”. Его мнение было подхвачено рядом историков литературы, один из которых уже в 1929 г. предположил, что спорный текст мог выйти из-под пера Пьера Бейля⁴. Логика такой атрибуции понятна: с точки зрения начала XX столетия Сент-Эвремон – слишком малозаметный персонаж, чтобы претендовать на столь значительное произведение, более подобающее писателю масштаба Бейля. Напротив, Вольтера смущала именно известность Сент-Эвремона, поэтому честь создания “Беседы” была отдана поэту Шарлю Фокону де Ри де Шарлевалю (1613–1688), при жизни почти ничего не печатавшему (впервые его сочинения были собраны вместе и опубликованы в 1759 г.). Тем более

примечательно, что, при очевидном расхождении историко-литературной оптики, восемнадцатое и двадцатое столетие оказались согласны в главном: Сент-Эвремону была не по силам “Беседа”.

К середине XX в., когда возродился интерес к той части литературы века Людовика XIV, которая осталась за рамками классического канона, исследователи перестали ставить под сомнение принадлежность “Беседы”. Описанная в ней реальность – военные перипетии лета 1654 г. – имеет прямое отношение к биографии Сент-Эвремона, принимавшего участие в этой кампании, и мало согласуется с тем, что мы знаем о Шарлевале и тем более о Бейле. Однако дело не столько в большей убедительности этих доводов по сравнению со стилистическими соображениями Вольтера, сколько в изменении исторической чувствительности. В конце концов, Сент-Эвремон никогда не признавал (но и не отрицал) авторства “Беседы” и ряда других текстов, атрибуция которых отчасти основывается на издательской практике, отчасти на свидетельствах его первого биографа Пьера Демезо⁵. Эта мнимая анонимность не вводила в заблуждение современников, как не обманывали их попытки госпожи де Лафайет откреститься от авторства “Принцессы Клевской”⁶. Судя по “Веку Людовика XIV”, ощущение несоразмерности автора и текста возникло лишь тогда, когда со сцены сошло поколение, еще заставшее Сент-Эвремона в живых. А его реабилитации способствовали исторические труды последних десятилетий, радикально переменявшие наши представления о XVII столетии и, тем самым, о заключавшихся в нем возможностях. Теперь Сент-Эвремон полностью восстановлен в своих правах – по крайней мере в том, что касается авторства “Беседы”.

Проблема изменения чувства истории (в том смысле, как его понимал Филипп Арьес⁷) играет решающую роль в нашем восприятии Сент-Эвремона и его сочинений. С одной стороны, это связано с тем, что его биография и творчество принадлежат “неклассическому” XVII в., резко контрастируя со школьными представлениями об этой эпохе. С другой, тексты Сент-Эвремона нельзя классифицировать как (в традиционном смысле) “литературные” или “исторические”. К примеру, “Беседу” можно было бы считать мемуарным повествованием, если бы автор не позволял себе очевидные (и по-видимому, намеренные) вольности с хронологией, переводящие ее в разряд “вымыслов”. Парадокс состоит в том, что все биографии Сент-Эвремона, начиная с самой первой, используют “Беседу” и другие тексты в качестве документаль-

ных источников, некритически объединяя их с немногочисленными архивными данными. Таким образом, наше представление о Сент-Эвремоне как историческом персонаже и авторе оказывается закольцованным: одни и те же тексты предстают то как прямые свидетельства о внутренней жизни их сочинителя, то как объективные описания современной ему действительности. Чтобы прекратить эту игру зеркальных отражений и понять, каков в реальности статус (псевдо)мемуарных набросков Сент-Эвремона, необходимо решить двойную задачу: прежде всего, постараться отделить его “биографическую легенду” от более или менее документируемых фактов, а затем поместить его сочинения в тот литературный (в противоположность личному) контекст, с которым они были изначально связаны.

Шарль де Сен-Дени, сеньор де Сент-Эвремон родился в конце декабря 1613 – начале 1614 г. (свидетельство о “малом крещении” датировано 5 января 1614 г., тогда как собственно крещение состоялось 3 января 1616 г.)⁸. Его род принадлежал к “новому дворянству”, в XV–XVI вв. активно пополнявшему ряды благородного сословия⁹. В 1474 г. его предок, Ноэль Ле Маркетель получил дворянское звание, а в 1591 г. Жан Ле Маркетель добился разрешения изменить родовое имя на Сен-Дени. Многие из жизненных дилемм Сент-Эвремона объясняются тем, что он был третьим сыном Шарля де Сен-Дени и Шарлотты де Рувиль и, соответственно, не мог рассчитывать на отцовское наследство. Пьер Демезо говорит, что родители прочили сыну административную карьеру¹⁰. Это вполне вероятно, поскольку в десятилетнем возрасте его определили в Клермонский коллеж, где он, по сведениям того же биографа, постигал риторiku под руководством отца Кане, центрального персонажа будущей “Беседы” (I. 4). Затем последовал годовой курс философии и права в коллеже Аркур. Однако в 1630 г. Сент-Эвремон оставляет изучение юриспруденции (к которой, заметим, на всю жизнь сохранит вкус и интерес), и принимает участие в савойской кампании.

Поворотным пунктом в военной карьере Сент-Эвремона стал 1637 г., когда ему удалось получить командование ротой в инфантерии герцога Энгьенского, будущего принца де Конде¹¹. В 1641–1642 гг. он уже адъютант герцога и лейтенант его гвардейцев. В этот период Сент-Эвремон входит в ближайшее окружение молодого вельможи и связывает свое дальнейшее продвижение с этим могущественным родом. Демезо утверждает, что Сент-Эвремон руководил чтением герцога, давая ему советы по выбору

книг (I. 9). Во всяком случае герцог Энгьенский безусловно ценит Сент-Эвремона и неоднократно посылал его для переговоров ко двору, в том числе и к кардиналу Мазарини. Однако в 1648 г. положение Сент-Эвремона резко изменилось: принц де Конде лишил его своего покровительства и поста лейтенанта гвардейцев. Если верить Демезо, виной тому послужила неуместная шутка, задевшая самолюбие принца (Конде любил обсуждать смешные черты окружающих, и Сент-Эвремонт заметил, что этим он смешон [I. 18–19]). Нет ни малейшего сомнения, что биограф здесь воспроизводит интерпретацию самого Сент-Эвремона, которая может и не соответствовать истинным причинам разрыва. Каковы бы они ни были, рассказанная Демезо история слишком хорошо согласуется с “биографической легендой”, во многом построенной на разработке мотива меткой, но неуместной шутки.

Первые месяцы Фронды Сент-Эвремонт провел у себя в Нормандии, стараясь держаться в стороне от противоборства двора и парламента. По-видимому, он занят решением более насущной проблемы: потеряв покровительство дома Конде-Лонгвилей, он пытается заручиться новой системой поддержки, которую находит у герцога де Кандаля¹². Вскоре он уже командует кавалерийским полком, однако в сентябре 1653 г. на три месяца попадает в Бастилию. Насколько можно понять из путаных объяснений Демезо, кардинал Мазарини был обеспокоен растущим влиянием Сент-Эвремона на герцога де Кандаля (I. 26–27). В 1654 г. Сент-Эвремонт принимает участие в обороне Арраса от испанских войск и мятежного принца де Конде. Именно тогда он ненадолго попадает под начало маршала д’Окенкура, второго из будущих протагонистов “Беседы”. Затем следуют военные кампании во Фландрии (1655–1657). В 1658 г. Сент-Эвремона постигает двойное несчастье: умирает его покровитель, герцог де Кандаль, а сам он снова оказывается в Бастилии, на сей раз за недоброжелательные отзывы о Мазарини. Своим скорым освобождением он обязан дружбе с маркизом де Креки, который был близок к суперинтенданту Фуке.

По всей видимости, не без участия суперинтенданта Сент-Эвремонт оказывается среди участников делегации, сопровождавшей кардинала Мазарини при подписании Пиренейского мирного соглашения. Результаты своих наблюдений он изложил в “Письме по поводу Пиренейского мира”, адресованном маркизу де Креки. Осенью 1661 г., после громкого ареста Фуке, этот памфлет был конфискован вместе с бумагами госпожи дю Плесси-Бельер, близкой приятельницы суперинтенданта, которая одновременно

приходилась тещей маркизу де Креки. Вот как описывает эту ситуацию Демезо:

У нее [госпожи дю Плесси-Бельер] обнаружили шкатулку г-на де Сент-Эвремона и письмо по поводу Пиренейского мира, которое раньше видели лишь маршал де Клерамбо и еще два-три человека. Господа Ле Телье и Кольбер, оба воспитанники Мазарини, всячески выказывавшие благоговейное почтение памяти своего благодетеля, прочитали письмо королю и постарались восстановить его против г-на де Сент-Эвремона. Они напомнили о неизменной преданности кардинала интересам Его Величества и об услугах, оказанных им государству в трудные времена. Они добавили, что хотя инвективы г-на де Сент-Эвремона обращены к Регентству королевы-матери, но могут быть применены к правлению самого короля, ибо тот нашел уместным следовать плану и максимам кардинала. Наконец, они представили ему, сколь опасно позволять частным лицам судить о государственных делах как им вздумается и безнаказанно порицать министров (I. 54–55).

Сент-Эвремон был вовремя уведомлен друзьями о том, что на сей раз ему грозит долгое пребывание в Бастилии, и предпочел укрыться в Голландии. С этого момента начинается история его изгнания, длительность которого по сей день вызывает удивление исследователей.

Изгнание – важнейший структурирующий элемент биографии Сент-Эвремона, который, пользуясь термином Х. Уайта, запускает механизм “осюжетивания”. В принципе, опала и изгнание были частью жизненного опыта многих современников Сент-Эвремона. В качестве показательного примера можно привести биографию Роже де Рабютена, графа де Бюсси, ровесника и друга Сент-Эвремона: несколько лет в коллеже, военные кампании под началом принца де Конде, авторство скандального памфлета («Любовная история галлов»), Бастилия, опала. С 1666 по 1682 г. Бюсси было запрещено покидать свои земли и показываться при дворе. Однако, несмотря на внешнее сходство рисунка, биография Бюсси не структурируется вокруг опалы ни в его собственных мемуарах, ни в исследовательских работах. Меж тем как Сент-Эвремон превращает изгнание (и, добавим в скобках, старость) в своеобразную жизненную и литературную позицию. Хотя на протяжении многих лет он не терял надежды снова увидеть Францию, у него было четкое ощущение кардинального разрыва между прежним и нынешним существованием. Как сказано в начале ретроспективной “Беседы с герцогом де Кандалем”:

Я не стремлюсь занимать Публику своей персоной. Людям нет нужды знать о моих заботах и невзгодах, но вряд ли кто осудит или не сможет удержаться от недовольства, если я поделюсь размышлениями о своей прошлой жизни, и от тяжелых дум обращаюсь к мыслям чуть менее неприятным (III& 152–153).

По сути дела, непреодолимым препятствием на пути к “прошлой жизни” была не опала, а те изменения, которые произошли во Франции после 1661 г. В отличие от большинства современников Сент-Эвремона не смог принять “век Людовика XIV”: это стало причиной изгнания, которое ему удалось осмыслить не как досадную случайность, а как особое жизненное и культурное состояние, обладающее собственной ценностью.

Возвращаясь к “Письму по поводу Пиринейского мира”, стоит заметить, что это был не первый памфлет, вышедший из-под пера Сент-Эвремона. Еще в 1637–1638 гг. он вместе с кузеном графом д’Этланом сочинил короткую “Комедию академиков”¹³. Ее датировка, конечно, отсылает к спору о “Сиде”. По-видимому, любовь Сент-Эвремона к поэзии Корнеля и скептическое отношение к Французской Академии равно восходят к этому времени. В “Комедии академиков” проявляется одна из приметных особенностей литературного взгляда Сент-Эвремона. В отличие от многих писателей-моралистов XVII столетия, критиковавших нравы, но не лица, наш автор склонен высмеивать конкретных людей: так, все персонажи комедии выведены под настоящими именами. Чрезвычайно личный характер имеет и “Письмо по поводу Пиринейского мира”. Как справедливо замечает исследователь, его острие направлено не столько против мирного договора, сколько персонально против Мазарини¹⁴. В схожем ключе написаны и памфлеты периода Фронды, “Отступление герцога де Лонгвиля в подвластную ему Нормандию” (1649) и “Апология герцога де Бофора” (1650).

Но вряд ли опалу Сент-Эвремона можно объяснить лишь содержанием “Письма по поводу Пиринейского мира”. Немаловажную роль здесь должна была сыграть его причастность к окружению Фуке: не будем забывать, что суперинтендант подвергся исключительно суровому наказанию, проведя в заключении остаток жизни (ум. в 1682 г.), а его секретарь Пеллисон-Фонтанье пробыл в Бастилии девять долгих лет. Кроме того, с середины 60-х годов XVII в. Людовика начинает беспокоить распространение либертинажа¹⁵, а Сент-Эвремон был известен как деятельный и последовательный сторонник философии Эпикура¹⁶. К этому можно добавить, что король с особой подозрительностью относился к пишущей части благородного сословия. Строго говоря, в отличие от принца де Конде Сент-Эвремон или, с некоторыми оговорками, Бюсси, не входили в число бунтовщиков. Но их политическая лояльность уже не могла служить залогом приватной

свободы самовыражения. Именно частным характером высказывания оправдывал “Письмо по поводу Пиринейского мира” Демезо, как можно предположить, воспроизводя точку зрения провинившегося автора:

Нет сомнения, что с ним (Сент-Эвремом. – *М.Н.*) обошлись слишком сурово. Когда он писал это письмо, то это была вольность дружеской беседы, как если бы разговор шел с глазу на глаз. Он никогда не предполагал, что оно станет публичным. Кроме того, он так и не смог простить кардиналу пребывание в Бастилии: не удивительно, что он его не пощадил, когда представился случай. К этому стоит добавить, что, по сути, письмо было основательным и рассудительным, и я думаю, все согласятся, что не стоило так обращаться с человеком выдающимся, всегда честно служившим своему Государю, единственным преступлением которого была излишняя забота о славе своей отчизны и ясное понимание ее истинных интересов. В чем нет ни малейшего сомнения, так это в том, что г-н де Сент-Эвремон никогда не признавал, что совершил ошибку, написав это письмо, или что он заблуждался по поводу сути Пиринейского мира (I, 56).

Последняя фраза Демезо указывает на еще одно возможное объяснение столь длительной опалы Сент-Эвремона: его нежелание признать себя виновным и, тем самым, подтвердить, что государь имеет право требовать от дворянина отчета не только в поступках, но и в образе мыслей. Этому права Сент-Эвремон не признавал даже за церковью, не говоря уж о светской власти¹⁷.

Но было бы ошибкой считать Сент-Эвремона политическим изгнанником в современном смысле слова. Обосновавшись при английском дворе, он поддерживает приятельские отношения с послами Людовика и, по возможности, служит его интересам. Так, в 1671 г. он участвует в интриге, благодаря которой фавориткой Карла II становится француженка мадмуазель де Керуаль, будущая герцогиня Портсмутская. Через его посредство осуществляется подкуп членов парламента и правительства¹⁸. Можно предположить, что, с одной стороны, им движет необходимость (значительная часть его состояния находится во Франции) и надежда на возвращение. С другой – подобная тактика согласуется с уже описанной жизненной позицией. Живя в Англии, Сент-Эвремон остается подданным французского короля и продолжает исполнять то, что считает своим долгом по отношению к государю. В 1665 г., когда Англия объявляет войну Голландии, чьей союзницей в тот момент была Франция, он перебирается из Лондона в Гаагу, чтобы не оставаться на вражеской территории, и возвращается на берега Темзы только в 1670 г. В 1685 г. он отклоняет предложение Якова II занять пост секретаря иностранных дел, ссыла-

ясь на свой возраст (I. 182), но, по-видимому, не желая числиться на английской службе. Это статус-кво заканчивается в 1689 г., когда после Славной Революции Людовик отзывает из Англии всех французских подданных и в том числе Сент-Эвремона, который отказывается повиноваться. В сущности, в этот момент происходит его окончательный и бесповоротный разрыв с Людовиком. В 1698 г. он соглашается принять от Вильгельма III (которого знал еще принцем Оранским) должность губернатора “острова канареек” в Сент-Джеймском парке. Несмотря на шуточный и, вероятно, литературный характер синекуры (напоминающей историю губернаторства Санчо Пансы: Сент-Эвремон был страстным поклонником “Дон Кихота”¹⁹), это первый официальный пост, который он занимает с 1661 г., после бегства из Франции.

Чем объяснить этот последний акт неповиновения по отношению к своему природному государю? Дело, безусловно, не в возрасте или здоровье, к которым апеллирует сам автор (I. 189–190), и вряд ли исключительно в его привязанности к герцогине де Мазарини, о которой пишут современные исследователи²⁰. Можно предположить, что одна из главных причин крылась в отмене Нантского эдикта (1685). Сент-Эвремон был убежденным сторонником религиозной толерантности, считавшим конфессиональные различия прежде всего вопросом привычки и образа жизни. Еще до отмены эдикта он почти в вольтеровских интонациях писал о бессмысленности распрей между католиками и протестантами:

Расхождение в мнениях привело к расколу, а приверженность к одной из сторон — к преследованиям и войнам. Сто тысяч человек лишились жизни из-за несогласия, каким образом должно совершаться причастие, — от которого, заметим, не отказывались ни те, ни другие²¹.

Нет сомнения, что изгнанник был возмущен насильственным обращением гугенотов, последовавшим за отменой эдикта. Вскоре после этого, в 1686 г., он отклоняет предложение Пьера-Даниэля Юэ, епископа Суассонского, в очередной раз ходатайствовать о его возвращении во Францию. Его последующие поступки указывают на то, что он перестает считать себя подданным французского короля, по-видимому, рассматривая отмену Нантского эдикта как нарушение взаимных обязательств, существующих между государем и гражданами государства. Соглашаясь принять (псевдо) государственный пост из рук Вильгельма, он, наконец, открыто солидаризируется с противниками Людовика XIV.

Вольтер писал, что Сент-Эвремон “жил и умер как свободный человек и как философ”²². Автор “Века Людовика XIV” в первую очередь имел в виду, что на смертном одре тот отказался от услуг и католического и протестантского духовенства. Это конечное свидетельство внутренней свободы противоречит тем принципам, которые Сент-Эвремон неоднократно излагал в своих сочинениях, утверждая, что “крепок в католичестве, как в силу предпочтения, ...так и в силу привычки”²³. Демонстрация неверия казалась ему дурным вкусом, недостойным воспитанного человека: “В старом нечестивце я ненавижу человека злого и презираю его как невежу, не смыслящего в том, что ему подобает”²⁴. Такое расхождение между словом и делом можно счесть проявлением двоемыслия, в котором сам Сент-Эвремон уличал Аристотеля (“Его утренние размышления не имели ничего общего с вечерними...”²⁵). Однако существенно другое: разница между биографическим фактом и автобиографическими текстами показывает, что, несмотря на исповедальный тон, нельзя видеть в последних разновидность документальных свидетельств. Авторский образ Сент-Эвремона, складывающийся из его эссе и, отчасти, рассказов Демезо, близко соответствует идеалу “человека достойного”²⁶, который, как известно, всецело отдает себя обществу и чужд профессионализму²⁷. Иными словами, специфика его писательской позиции заключается в том, что он постоянно преуменьшает значение собственных авторских функций и подчеркивает важность исполняемых им социальных ролей²⁸. Это дает двойной эффект, с одной стороны, заставляя видеть в его творчестве побочный продукт светской деятельности (позиция Вольтера); с другой – придавая убедительности “биографической легенде”, вырастающей из этого самого творчества. Меж тем те немногие жизненные решения Сент-Эвремона, о которых нам достоверно известно, плохо вписываются в траекторию, прочерчиваемую “биографической легендой”.

Для того чтобы до конца оценить своеобразие авторской позиции Сент-Эвремона²⁹, представим ее в тех терминах, которые были свойственны эстетике XVII в. Рассмотрим «Беседу г-на маршала д’Окенкура с отцом Кане» с точки зрения “правды” и “правдоподобия” – двух базовых категорий, регулировавших взаимоотношения подлинных фактов и вымысла³⁰. Нет сомнения, что действующие лица “Беседы” действительно могли собраться за одним столом в августе 1654 г. Однако статус текста и степень документальности определяются не только этим, но и временем его написания. Демезо предположил, что “Беседа” была зафиксирована в 1656 г.,

т.е. по горячим следам (I. 17). Исследователи XX в. отнеслись к этой датировке скептически. Одни указывают на отсутствие каких-либо упоминаний об этом тексте до 1686 г.³¹, другие – на возможные переключки со “Скупым” Мольера, в силу которых он не мог быть написан ранее 1669 г.³² Далее, в самой “Беседе” есть несколько хронологических несообразностей, компрометирующих ее документальный статус: двое из персонажей, Ла Фретт и герцогиня де Монтбазон, упомянутых там в качестве покойников, в 1654 г. были еще живы. Эти неточности вроде бы свидетельствуют в пользу гипотезы о достаточно позднем времени написания текста, когда, за давностью времени, Сент-Эвремону было позволительно начать путаться в последовательности событий. Однако Бейль, который в “Новостях Республики Словесности” отмечает второй анахронизм, дает ему иное, чисто композиционное объяснение: автору надо было как-то спасти о. Кане от иступления маршала, поэтому он прибег к сюжетной уловке – преждевременно отправил на тот свет госпожу де Монтбазон³³. Иными словами, Бейлю не составило труда установить подлинную дату смерти герцогини, значит, это мог сделать и Сент-Эвремон. Тем более примечательно, что эта ошибка истолковывается критиком-современником как композиционный прием. Согласно его позиции, перед нами не историческое повествование, а вымысел, который следует судить по законам “правдоподобия”, но не “правды”.

Подойдем к этой проблеме с другой стороны. С точки зрения исторического метода XVII в., принцип правдоподобия служил связующим звеном между “голой правдой” факта и риторическим характером любого исторического сочинения. С ним связана длительная дискуссия о том, какое место в исторических повествованиях должно быть отдано речам и портретам основных действующих лиц. Так, в 1697 г. Жан Леклерк, бывший соратник Бейля по “Новостям Республики Словесности” и видный полемист, выступает за радикальное очищение истории от любых литературных приемов³⁴. Примерно в это же время Фонтенель защищает право историков на соблюдение определенных конвенций:

Считаем ли мы совершенно правдивыми все эти портреты и мотивы [поступков]? Даем ли им столько же веры, сколько фактам? Нет, мы прекрасно знаем, что это догадки, которые, в меру своих способностей, строят историки, и которые вряд ли полностью соответствуют действительности. Тем не менее мы не осуждаем их за это украшение, которое не противоречит правдоподобию; именно благодаря правдоподобию эта примесь неправды, которая, как мы понимаем, присутствует в наших историях, все же не позволяет нам считать их чистым вымыслом³⁵.

За этими позициями стоят разные модели взаимоотношения текста и его читателя. Идеал Леклерка – полное доверие читателя к тексту, который, в свой черед, построен на строгом соблюдении правды факта. Меж тем как Фонтенель в большей степени полагается на критические навыки аудитории, способной отличить факт от реконструкции. Конечно, перфекционизм протестанта Леклерка и умеренный релятивизм католика Фонтенеля имеют выраженную конфессиональную окраску, однако для нас существенно, что оба писателя в равной мере указывают на речи и портреты исторических персонажей как на главное место нахождения “правдоподобия”. А коль скоро “Беседа г-на маршала д’Окенкура с отцом Кане” по определению состоит из речей ее протагонистов, и этот путь приводит нас к выводу о “правдоподобном” характере этого сочинения.

Если отрешиться от иллюзии подлинности описываемых в “Беседе” событий и положений и обратить внимание на избранную Сент-Эвремом форму повествования, то становится очевидна ее связь с галантной литературой эпохи – отчасти с моделью романа-беседы, разработанной Мадлен де Скюдери, отчасти со скандальной хроникой в духе Бюсси³⁶. Использование настоящих имен подчеркивает, что сочинение предназначено для узкого круга посвященных. Прямое указание на идентичность действующих лиц избавляло автора от необходимости составления портретов, поскольку память об этих персонажах еще не полностью изгладилась из общественного сознания³⁷. Что касается сюжетной линии, то она, по-видимому, в значительной мере аллегорична и бурлескна. Рассуждение маршала д’Окенкура о военном товариществе, любви и философии напоминает сниженный вариант эссе Монтеня “О трех видах общения”³⁸. А невольная погоня о. Кане за зайцем выглядит комической реализацией христианской аллегии, где скакун символизирует собой страсти, а всадник – разум, способный ими управлять³⁹.

Суть используемого Сент-Эвремом приема состоит в том, что эту галантную светскую форму он наполняет серьезным содержанием, отчасти предвзяв аналогичную технику Дидро. В “Беседе” представлены по крайней мере три важных религиозных течения внутри французской католической церкви XVII в.: иезуиты, янсенисты и трапписты (аббат Рансе). Для Сент-Эвремона, не видевшего смысла в доктринальных спорах между католиками и протестантами, оттенки мнений внутри одной церкви казались тем более неестественными и смешными. Какое отно-

шение имеет учение о природе благодати к жизни людей, которые, подобно д'Окенкуру, следуют этическим представлениям своего сословия (“правильная” смерть воина должна быть насильственной, любовь плотской, повеления прекрасной дамы не подлежат обсуждению, дружба прежде всего, и т.д.), даже не замечая их расхождения с религиозной моралью? В конце концов и для о. Кане возможно перестать быть “осторожным иезуитом” и начать вести себя как “свободный и искренний человек”, т.е. и он находится в состоянии двоемыслия, когда светская идентичность в любой момент способна взять верх над религиозной. Можно сказать, что галантная форма “Беседы” как раз указывает на это торжество светскости. Не случайно, что на закате XIX столетия Э. Ренан припомнит тщетные усилия иезуита:

Отец Кане попробует, конечно, доказать, что нельзя быть порядочнее христианства, ни более дворянином, чем иезуит, но он не убедит д'Окенкура. Умные люди, во всяком случае, окажутся необратимыми. Никогда Нинон де Ланкло, Сент-Эвремон, Вольтер, Мериме не будут одной веры с Тертуллианом, Климентом Александрийским и добрым Ермом⁴⁰.

Таким образом, “Беседа” представляет собой философское эссе в форме галантного разговора, благодаря которой ее автор избегает подозрения в педантизме, неприемлемом для “человека достойного”. Его персонажи, маршал д'Окенкур и о. Кане, избраны в качестве частной иллюстрации общего принципа (*exemplum*). Допуская намеренные хронологические aberrации, Сент-Эвремон подчеркивает “правдоподобный” характер сюжета, предупреждая читателей против его идентификации в качестве исторического свидетельства. Эти конвенции, вполне понятные Бейлю, игнорируются уже младшим поколением современников Сент-Эвремона (включая Пьера Демезо), и текст попадает в разряд мемуарных повествований. Однако несколько десятилетий спустя, когда известность Сент-Эвремона начинает идти на спад, в “Беседе” все больше выхватываются новеллистические и анекдотические черты. Так, в 1765 г. Дидро, глядя на картину Алле “Император Траян, отправляясь в спешный поход, сходит с коня, чтобы выслушать жалобу бедной женщины”, припоминает отца Кане и его жеребца⁴¹. А годом ранее д'Аламбер в письме Вольтеру потешается над “партией иезуитов”, которая передвигается как “отец Кане, незаметным движением ягодиц”⁴². В кругу “философов” герои “Беседы” превращаются в нарицательных персонажей, что, по-видимому, в большей мере соответствовало авторским намерениям, нежели автобиографическая интерпретация. Но последняя снова

выходит на первый план в XIX и XX вв., когда интерес к уникальному и подлинному берет верх над универсалистским и типологическим подходом к истории, свойственным Просвещению.

Рубеж XVII–XVIII вв. нередко характеризуется как период кризиса исторического сознания и исторических методов. Стремительное развитие принципов палеографии, критики исторических документов, представлений о хронологии мировой истории и целый ряд других факторов способствовал росту исторического скептицизма (пирронизма, если пользоваться языком эпохи)⁴³. Происходившее одновременно с этим формирование литературного поля, где все более заметную роль играл роман, ориентированный на имитацию исторического повествования (в отличие от своего предшественника, ориентированного на эпопею), привело к размыванию границ между “правдой” и “вымыслом”. Возможный выход из этого тупика предлагала концепция “правдоподобия”, позволявшая лавировать между все более трудно устанавливаемой истиной и откровенной ложью. В этой методологической путанице выбор современников был скорее на стороне романа, который, по мнению некоторых теоретиков, нес в себе если не правду факта, то правду духа и морали (т.е., говоря современным языком, психологии)⁴⁴. Напротив, в последние десятилетия прошлого и в начале нынешнего века, когда историческая наука всерьез задумалась о своем риторическом инструментарии и функциях, парадоксальным образом, происходит обратное: за немногими исключениями, современные исследователи склонны видеть в художественных и прагматических текстах непосредственные свидетельства, игнорируя их литературную природу⁴⁵. Однако, как я попыталась показать на примере биографии Сент-Эвремона и его “Беседы г-на маршала д’Окенкура с отцом Кане”, в таком случае исследование может оборачиваться своеобразной колонизацией исторического субъекта, который, с одной стороны, оказывается лишен доверия, а с другой – воспринимается как “наивный” рассказчик, повествующий об окружающей его реальности. Между тем трудно сомневаться в том, что последователь учения Эпикура Сент-Эвремон был далеко не наивен, когда избрал своими героями недалекого маршала д’Окенкура и простодушного о. Кане.

¹ *Voltaire. Œuvres historiques*. P.: Éd. Gallimard, 1957. P. 1202–1203. (Bibliothèque de la Pléiade).

² *Ibid.* С. 1202.

³ Ibid. С. 1148.

⁴ Об этом см.: *Grubbs H.A.* Is Saint-Evremond the Author of the *Conversation du Maréchal d'Hocquincourt?* // *The French Review.* 1937. Vol. 11. N 2. P. 120–131. Путаница отчасти объясняется тем, что впервые “Беседа” была напечатана в сборнике “*Le Retour des Pièces choisies, ou Bigarrures curieuses*” (Emmerick, 1687), составление которого порой приписывается Бейлю.

⁵ Пьер Демезо или де Мезо (1673–1745), сын французского пастора, приехал в Англию в 1699 г. Подготовленное им собрание сочинений Сент-Эвремона считается наиболее надежным: Демезо имел возможность консультироваться с автором и исключил многие тексты, ошибочно приписываемые Сент-Эвремону. Однако полной уверенности в его добросовестности нет, поскольку первое издание увидело свет уже после смерти Сент-Эвремона, а затем неоднократно расширялось и дополнялось. Что касается его “Жизни г-на де Сент-Эвремона”, то Вольтер имел основания утверждать, что “во всем томе интерес представляют страницы четыре. Объем раздут за счет повтора всего того, о чем рассказывают сочинения Сент-Эвремона: это издательская уловка, профессиональное злоупотребление печатника” (*Voltaire. Œuvres historiques.* P. 1202–1203). Действительно, большинство сообщаемых Демезо сведений очерпнуто из эссе Сент-Эвремона, но, по счастью, не все. О Демезо см.: *Almagor J.* Pierre des Maizeaux (1673–1745), journalist and English correspondent for Franco-Dutch periodicals, 1700–1720. Amsterdam; Maarssen, 1989; *Mandelbrote S.* Pierre Des Maizeaux: History, Toleration and Scholarship // *History of Scholarship: A Selection of Papers from the Seminar on the History of Scholarship Held Annually at the Warburg Institute* / Ed. Chr. Ligota, J.-L. Quantin. Oxford, 2006. P. 385–398.

⁶ 23 апреля 1678 г. госпожа де Лафайет писала Лешрену: «Из-за книжечки, ходившей по рукам лет пятнадцать назад, к которой, по мнению публики, я была причастна, мне теперь приписывают “Принцессу Клевскую”. Уверяю вас, я не имею к ней ни малейшего отношения, равно как и г-н де Ларошфуко, который причастен не более моего: он столько раз клялся в этом, что невозможно не поверить, тем более что речь идет о славной вещице, которую не стыдно признать. Что до меня, то я польщена этими подозрениями и, вероятно, признала бы книгу, когда была бы уверена, что ее автор не заявит о своих правах». См.: *La Fayette, M. de.* La Princesse de Clèves. Préface et commentaries de Marie-Madeleine Fragonard. P., Pocket, 1989. P. 185.

⁷ Как показал Филипп Арьес, несмотря на разные идеологические установки историков, на протяжении веков история Франции писалась по единой канве. Он противопоставляет “историческую науку” – дисциплину, которая отдает отчет в собственном существовании и подчиняется более общей системе идей, будь то идея религиозная (литургическая необходимость следить за ходом времени) или монархическая (установление преемственности как оправдание законности и как гарантия национального единства), “историческому чувству”, обычно вынесенному за пределы собственно исторического повествования. Как явствует из его анализа истории Жанны д'Арк, начиная от момента ее первоначальной фиксации и до середины XIX в., невзирая на идеологические сокращения или добавления, и на позитивное или негативное отношение историка, в основном ее сюжет мало варьируется. Что касается “исторического чувства”, то оно проявляется в структурировании образа истории за пределами сугубо профессионального поля. Так, в контексте XVII столетия его выражением было коллекционирование разнородных материалов (картин, гравюр, любопытных документов), или написание исторических

и псевдоисторических романов. См.: *Ariès Ph. Le temps de l'histoire*. P., 1986. P. 132–201.

- ⁸ Здесь и далее за основу взята хронологическая канва, представленная в изд.: *Saint-Évremond. Entretiens sur toutes choses* / Éd. D. Bensoussan. P., 1998. P. 21–27.
- ⁹ См.: *Constant J.-M. La noblesse française aux XVI et XVII siècles*. P., 1994. P. 93–116.
- ¹⁰ *Œuvres de Monsieur de Saint-Evremond, avec la Vie de l'auteur* / Par Mr. Des Maizeaux, Membre de la Société Royale. Nouvelle Edition. S/L, 1753. T. I. P. 4. Далее ссылки на это издание даются в тексте; римская цифра обозначает номер тома, арабская – стр.
- ¹¹ Людовик II де Бурбон, герцог Эннгенский (1621–1686), получил титул принца де Конде после смерти отца в 1646 г. Здесь и далее соблюдена хронологическая последовательность этих наименований.
- ¹² Луи-Шарль-Гастон де Ногаре, маркиз де Ла Валетт, герцог де Кандаль (1627–1658), внук знаменитого герцога д'Эпернона, фаворита Генриха III, и сын незаконнорожденной дочери Генриха IV. Его отец, Бернар де Ногаре де Ла Валетт, герцог д'Эпернон (1592–1661), в это время был губернатором Бургундии.
- ¹³ Оригинальный вариант пьесы не сохранился, она известна по более поздней переработке, сделанной Сент-Эвремоном в Англии. О месте этой комедии в литературной полемике того времени см.: *Viala A. Naissance de l'écrivain. Sociologie de la littérature à l'âge classique*. P., 1985. P. 29–34.
- ¹⁴ *Barnwell H.T. Les idées morales et critiques de Saint-Évremond. Essai d'analyse explicative*. P., 1957. P. 48. В качестве иллюстрации процитируем один из начальных фрагментов “Письма”: «Поскольку величайший подвиг христианина – прощение врагов, а наказание тех, кого любишь, есть признак нежнейшей дружбы, то кардинал простил испанцев, чтобы наказать французов. И правда, униженные столькими неудачами и подавленные столькими потерями, испанцы не могли не вызвать его участия и христианского милосердия. Меж тем как обнаглевшим от своего военного превосходства французам пора было испытать благотворную суровость мира. Его Высокопреосвященству припомнилось превосходные слова того кастильца, который по приказу Филиппа II удавил Дон Карлоса: “Тише, тише, сеньор дон Карлос, это делается для вашего же блага”. Тронутый этим исполненным любовью наказанием, Его Высокопреосвященство, истощив все общественные источники и забрав достойные частные лиц, заглушает наши стенания и подавляет ропот, по-отечески говоря нам: “Тише, тише, сеньоры французы, это делается для вашего же блага”» (I. 37–38).
- ¹⁵ О кампании против либертинажа, включая появление “Дон Жуана” (1665) Мольера, см.: *Неклюдова М. Дважды два четыре, или математическая проблема в “Дон Жуане” Мольера // Arbor mundi. Международный журнал по теории и истории мировой культуры*. 2006. № 13. С. 12–13.
- ¹⁶ О философском и практическом эпикуреизме Сент-Эвремона см.: *Rosmarin L.A. Saint-Evremond, artiste de l'euphorie*. Birmingham (Ala.), 1987.
- ¹⁷ “Даже самые жестокие тирании древности не ограничивали свободы разума, а ныне среди христиан есть народы, чьи законы предписывают внушать себе то, во что не можешь верить. По моему мнению, каждый человек должен быть волен в своих убеждениях, если они не вызывают смуты, которая может потревожить общественное спокойствие. Храмы находятся под властью суверенов, которые открывают и закрывают их по собственной воле; но сердце

- наше – тайное святилище, где нам позволено поклоняться Царю царей” См.: *Сент-Эвремон Ш. де. Избранные беседы // Ларошфуко Ф. де. Максимы. Лабрюйер Ж. де. Характеры, или Нравы нынешнего века. Сент-Эвремон Ш. де Сент-Дени де. Избранные беседы. Вовенарг Л. де Клапье де. Введение в познание человеческого разума. Размышления и максимы. Шамфор С. Максимы и мысли / Сост., вступ. статья и примеч. М.С. Неклюдовой. М.: НФ “Пушкинская библиотека”, Изд-во АСТ, 2004. С. 494.*
- ¹⁸ Об английском периоде жизни Сент-Эвремона см.: *Petit L. La Fontaine et Saint-Evremond ou La Tentation de l’Angleterre. Toulouse; Privat, 1953.*
- ¹⁹ «... “Дон Кихота” Сервантеса... могу перечитывать бесконечно и без скуки... Из того, что довелось прочесть, я более всего был бы рад сочинить “Дон Кихота”: мне кажется, что нет другой книги, которая лучше может сформировать вкус. Меня восхищает, что Сервантес, вещая устами величайшего безумца, тем не менее нашел способ предстать человеком самых обширных и разнообразных знаний» См.: *Сент-Эвремон Ш. де. Избранные беседы. С. 482.*
- ²⁰ Любимая племянница Мазарини, Горгензия Манчини (1646–1699) в 1661 г. была выдана замуж за Армана-Шарля де Ла Порт де Ла Мейере (1632–1713), который унаследовал имя и состояние кардинала. В 1667 г. она покидает супруга и бежит сперва в Италию, затем находит приют в Савойском герцогстве, и, наконец, в 1675 г. перебирается в Англию. С этого времени ее салон становится главным центром притяжения для Сент-Эвремона.
- ²¹ *Сент-Эвремон Ш. де. Избранные беседы. С. 499.*
- ²² *Voltaire. Œuvres historiques. P. 902.*
- ²³ *Сент-Эвремон Ш. де. Избранные беседы. С. 493.* Демезо подтверждает, что внешне Сент-Эвремон всегда оставался католиком, и отказывается обсуждать его предсмертное решение, ссылаясь на то, что сам он при этой сцене не присутствовал (I. 230).
- ²⁴ *Saint-Évremond. Entretiens sur toutes choses. P. 168.*
- ²⁵ *Сент-Эвремон Ш. де. Избранные беседы. С. 464.*
- ²⁶ См.: *Hope Q. M. Saint-Evremond, the honnête homme as critic. Bloomington: (Ind.), 1962.* О некоторых особенностях идеала “человека достойного” см.: *Неклюдова М.С. Искусство частной жизни. Век Людовика XIV. М., 2008. С. 50–60.*
- ²⁷ Не случайно в начале “Жизни г-на де Сент-Эвремона” Демезо, явно передавая точку зрения своего героя, предупреждает читателей, что того “следует рассматривать как выдающегося офицера, всегда любившего литературу, как утонченного придворного, писавшего лишь для собственной забавы или для развлечения друзей”, но ни в коем случае не как автора (I. 2).
- ²⁸ Эту позицию так же можно описать в терминах просвещенного дилетантизма. См.: *Viala, Alain. Naissance de l’écrivain. P. 180–183.*
- ²⁹ Если опустить несколько политических памфлетов, то наследие Сент-Эвремона распадается на несколько частей. Самая значительная – галантные послания, будь то герцогине де Мазарини или Нинон де Ланкло. Вторая – литературная критика, вернее, суждения о литературе и театре, как правило, тоже адресованные дамам (несколько разборов пьес Корнеля и Расина, критика оперы, и пр.). Третья – философские эссе, во многом следующие традиции “Опытов” Монтеня. И, наконец, небольшие зарисовки, в которых воспроизводятся сцены и разговоры из первой, активной части жизни Сент-Эвремона.
- ³⁰ Одно из самых наглядных объяснений взаимодействия “правды” и “правдоподобия” находится в “Практике театра” Франсуа д’Обиньяка. По его мнению, подлинное не может быть предметом изображения: скажем, Нерон действительно велел убить мать и вспороть ей живот, “но этот варварский поступок,

- пусть и приятный тому, кто его совершил, покажется зрителям не только ужасным, но и просто невыносимым, ибо такого вообще не должно было бы случиться» (Литературные манифесты западноевропейских классицистов. М., 1980. С. 337). Перефразируя это рассуждение можно сказать, что “правдоподобие” – это та правда, которая соответствует исторической чувствительности эпохи.
- ³¹ Grubbs H.A. Is Saint-Evremond the Author of the *Conversation du Maréchal d'Hocquincourt*? P. 121–122.
- ³² См.: *Saint-Évremond. Textes choisis / Introd. et notes par Alain Niderst*. P., 1970. P. 218.
- ³³ О реакции Бейля на “Беседу” см.: Grubbs H.A. Is Saint-Evremond the Author of the *Conversation du Maréchal d'Hocquincourt*? P. 126–127.
- ³⁴ См.: Grafton A. *What Was History? The Art of History in Early Modern Europe*. Cambridge, 2007. P. 10–12.
- ³⁵ Fontenelle. *Rêveries diverses. Opuscules littéraires et philosophiques*. P., 1994. P. 103.
- ³⁶ См.: Неклюдова М.С. Искусство частной жизни. С. 162–167, 219–220.
- ³⁷ Там же. С. 151–152.
- ³⁸ *Монтень Мишель де*. Опыты в 3-х т. М., 1992. Т. 3. С. 39–53.
- ³⁹ Кроме того, тут можно вспомнить ряд мыслей Паскаля, посвященных “развлечению”, в которых существенную роль играет травля зайца. Кстати, “Беседу” нередко сравнивали с “Провинциальными письмами” (1657).
- ⁴⁰ Ренан Э. *Марк Аврелий и конец античного мира*. М.: Терра, 1991.
- ⁴¹ *Œuvres complètes de Diderot: 20 vols. / Éd. Jules Assezat*. P., 1875–1877. Т. XVII. P. 264.
- ⁴² *Œuvres complètes d'Alambert: 5 vols. / Éd. A. Belin*. P., 1821–1822. Т. V. P. 128. Письмо от 9 июня 1764 г.
- ⁴³ Общий абрис этой проблемы см.: Hazard P. *La Crise de la conscience européenne: 1680–1715*. P., 1935.
- ⁴⁴ См., в частности: [Lenglet du Fresnoy, Nicolas]. *De l'usage des romans, Où l'on fait voir leur utilité et leurs differens caracteres / Avec une Bibliothèque des Romans, Accompagnée de Remarques critiques sur leur choix et leurs Editions*, par M. le C. Gordon de Percel. Amsterdam: la Veuve De Poilras, 1734. P. 30, 53–60.
- ⁴⁵ О сходстве и различии двух историографических кризисов см.: Burke P. *Two Crises of Historical Consciousness // Storia della Storiografia*. 1998. N 33. P. 3–16.

ШАРЛЬ ДЕ СЕН-ДЕНИ ДЕ СЕНТ-ЭВРЕМОН

БЕСЕДА Г-НА МАРШАЛА Д'ОКЕНКУРА С ОТЦОМ КАНЕ

Однажды, когда я обедал у г-на маршала д'Окенкура¹, обедавший там же о. Кане² нечувствительным образом перевел беседу на покорство духа, которого требует от нас религия, и, поведав нам о множестве современных чудес и новейших открытий, заключил, что пуше чумы следует бежать вольнодумцев³, которые стремятся все исследовать при помощи разума.

– Кому вы толкуете о вольнодумцах, – сказал маршал, — кому, как мне, их не знать? Бардувиль и Сент-Ибаль были лучшими моими друзьями. Они-то и перетянули меня на сторону г-на Графа против кардинала де Ришелье⁴. Зна-

вал ли я вольнодумцев? Да из услышанного от них я мог бы составить книгу. Когда Бардувиль умер, а Сент-Ибаль удалился в Голландию, я завел дружбу с Ла Фретт и Совбефом⁵. Эти были не по части ума, но brave ребята. Ла Фретт, отважнейший человек, был со мной дружен. Во время болезни, от которой он скончался, и мне, полагаю, удалось выказать ему свою дружбу. Глядя, как он, точно баба, умирает от медленной лихорадки, я был вне себя: Ла Фретт, тот самый Ла Фретт, который дрался на дуэли против Бутвиля⁶, угасает, как свечка! Мы с Совбефом не знали, как нам уберечь друга от такого бесчестия, и тогда я решил убить его выстрелом из пистолета, чтобы он погиб, как подобает храбренцу. Я уже приставил пистолет к его голове, но чертов иезуит, который был в комнате, толкнул меня под руку и отвел выстрел. Это меня так разозлило, что я сделался янсенистом.

– Заметьте, Монсеньор, – сказал о. Кане, — заметьте, Сатана всегда начеку: circuit quaerens quem devoret^a. Вас слегка раздосадовали наши отцы-иезуиты, и он сразу воспользовался случаем, чтобы застигнуть вас врасплох, чтобы вас пожрать, даже хуже, чем пожрать: сделать вас янсенистом. Vigilate, vigilate: нельзя быть слишком бдительным, когда речь о враге рода человеческого.

– Отче прав, – сказал маршал. – Я слышал, что черт никогда не дремлет. И мы должны так поступать: быть начеку, смотреть в оба. Но оставим черта и поговорим лучше о моих привязанностях. Прежде всего я любил войну, вслед за войной г-жу де Монбазон, и, поверите ли, философию после г-жи де Монбазон⁷.

– Вы в праве любить войну, – подхватил о. Кане, – она отвечает вам взаимностью, ибо осыпала вас почестями. А знаете ли, что я тоже муж войны? Король поручил мне управление госпиталем при своей армии во Фландрии: разве это не делает меня военным? Кто бы думал, что о. Кане станет солдатом? Я им стал, Монсеньор, и не в менее служу Господу в военном лагере, нежели в Клермонском коллеже. Так что вы можете любить войну без греха. Идти на войну значит служить своему государю, а служить государю значит служить Богу. Но что до госпожи де Монбазон, если вы ее вождедели, то позволяйте мне сказать, что ваши желания были преступны. Но вы ее не вождедели, Монсеньор, вы любили ее невинно!..

– Как, отец мой, по вашему я должен был любить как дурак? Маршал д’Окенкур не научен попусту вздыхать в альковах. Я хотел, отец мой, хотел... вы сами понимаете!

– *Я хотел!* Каково это *я хотел!* Право, Монсеньор, шутка удалась. Наши отцы из коллежа Святого Людовика сильно бы подивились этому *я хотел!* Но долгое пребывание в армии приучает слух ко всему. Оставим: вы так говорите ради забавы.

– Какая тут забава, отец мой: знаете, до чего я ее любил?

– Usque ad aras^b, Монсеньор.

^a Здесь и через строчку о. Кане цитирует Первое послание апостола Петра (1 Петра 5:8) “Vigilate, quia adversarius vester diabolus taquam leo rugies circuit quaerens quem devoret” (“Бодрствуйте, потому что ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища кого поглотить”).

^b Имеется в виду латинское выражение “amicus usque ad aras”, которое здесь надо понимать не только в обычном (переносном) смысле “друг вплоть до алтаря” (т.е. до конца), но и в более редком (буквальном) значении: “друг во всем, что не касается религии”.

– Никаких “agas”, отче. Видите ли, – сказал маршал, взяв нож и сжав в кулаке рукоятку, – видите ли, ежели бы она приказала мне вас убить, я вонзил бы этот нож вам прямо в сердце.

Пораженный такой речью, и еще более перепуганный таким иступлением, о. Кане мысленно вознес молитву, втайне прося Господа избавить его от напасти, но, не вполне полагаясь на молитвы, незаметным движением ягодиц стал постепенно отодвигаться от маршала. Тот последовал за ним тем же манером, и, глядя на по-прежнему занесенный нож, можно было подумать, что он сейчас исполнит приказ.

В силу природного злорадства я некоторое время наслаждался испугом его преподобия, но, в конце концов, побоявшись, как бы маршал в своем иступлении не превратил забавное в пагубное, напомнил ему, что г-жа де Монбазон умерла, и к счастью, о. Кане нечего опасаться от той, кого уже нет на свете.

– Господь все устраивает к лучшему, – продолжил маршал. – Незадолго до смерти прекраснейшая из прекрасных⁸ начала водить меня за нос. Около нее все время вился некий аббат Рансе, янсенистик, который на людях твердил ей о благодати, а наедине совсем о другом⁹. Из-за этого я порвал с янсенистской кликой. До того я не пропускал ни единой проповеди о. Демере и преклонялся пред господами из Пор-Рояля¹⁰. С тех пор же исповедуюсь только у иезуитов, и если у моего сына будут дети, я хочу, чтобы они обучались в Клермонском коллеже, или не видать им наследства.

– Сколь неисповедимы пути Господни! – воскликнул о. Кане. – Сколь неисчерпаемо таинство Его правосудия! Ничтожный кокетливый янсенист ухаживает за дорогой для Монсеньора дамой: Господь в своем милосердии воспользовался ревностью, дабы духовное попечение о Монсеньоре оказалось в наших руках! *Mirabilia iudicia tua, Domine!*

Когда отче завершил свои благочестивые размышления, я решил, что теперь мне позволительно вступить в беседу и спросил у маршала, разве на смену его страсти к г-же де Монбазон не пришла любовь к философии.

– Я слишком ее любил, философию, – сказал маршал, – я слишком ее любил, но теперь с этим покончено, навсегда и бесспоротно. Чертов философ до того задурил мне мозги *прародителями, яблоком, земным раем и херувимами*, что я чуть было не перестал вообще во что-либо верить. Да черт меня побери, если я ни во что не буду верить! С тех пор я дам себя распять за религию. Не то чтобы я стал больше разуместь: напротив, меньше, чем ранее; могу только сказать, что дам себя распять, сам не зная почему.

– Тем лучше, Монсеньор, – подхватил отче, весьма благочестиво гнусявя, – там лучше: сии побуждения идут не от человека, но от Бога. *Не стал разуместь*: вот истинная религия! О, Монсеньор, сколь милостив к вам Господь! *Estote sicut infantes^c*, будьте как дети. Дети невинны, а почему? Да потому, что еще не разумеют. *Beati pauperes spiritus^d*: блаженные нищие духом, они не грешат. А почему? Потому, что не разумеют. *Не стал разуместь, могу только сказать, сам не зная почему!* Прекрасные слова! Следовало бы записать их золотыми буквами. *Не то чтобы я стал больше разуместь: напротив, меньше, чем ранее*. Воистину, это звучит божественно для тех, кто имеет вкус к небесным материям. *Не стал разуместь!* О, Монсеньор, сколь милостив к вам Господь!

^c Матф. 18:3.

^d Матф. 5:3.

Святое негодование против разума завело бы о. Кане еще дальше, но маршалу принесли придворные депеши, и это прервало столь благочестивую беседу. Маршал прочел их совсем тихо, а закончив, не утаил от собравшихся их содержание: “Если бы я, как некоторые, хотел строить из себя политика, то для чтения писем удалился бы в кабинет. Но я всегда действую и говорю с открытым сердцем. Господин кардинал сообщает, что Стене взят¹¹, что через неделю Двор будет здесь; мне поручено командование армией, которая вела осаду, чтобы вместе с Тюренном и Ла Ферте отправиться на выручку Арраса¹². Я не забыл, что, когда Двор был в Жьене, Тюренн позволил г-ну Принцу меня разбить¹³: кто знает, не представится ли мне возможность отплатить ему той же монетой. Ежели Аррас будет спасен, а Тюренн побит, то меня это устроит. Я поспособствую, как могу, и этим все сказано”.

Он бы поведал нам о всех перипетиях сражения и о том, на что, как ему казалось, он мог попенять г-ну де Тюренну, но нам сообщили, что обоз уже вышел из города, и это заставило нас распрощаться раньше, чем предполагалось.

О. Кане, оказавшийся безлошадным, попросил ссудить ему какую-нибудь клячу, чтобы добраться до лагеря. “И какая же вас устроит, отец мой?” – спросил маршал. “Я отвечу вам так же, как в схожей ситуации добрый отец Суарес¹⁴ ответил герцогу Медина Сидония: *qualem me decet esse, mansuetum* – такая же, как я, кроткая и мирная. *Qualem me decet esse, mansuetum*”^e.

– Я немного знаю латынь. – сказал маршал, – “*Mansuetum*” больше подходит к овцам, нежели к лошадям. Подать преподобному моего коня! Мне по душе его орден, с ним самим я дружен: подайте ему моего доброго коня!

Я пошел поскорей распорядиться своими делами и вскоре присоединился к обозу. Переход оказался благополучным, но утомительным для бедного о. Кане. Я встретил его добром коне маршала д’Окенкура: это был горячий, беспокойный жеребец, он грыз удила, завивался в бок, поминутно ржал и, смущая целомудрие преподобного, всех лошадей считал за кобылиц. “Что это, отец мой, – сказал я, поравнявшись с ним, – что за скакуна вам дали? Что стало с клячей доброго отца Суареса, о которой вы просили?”

– О, сударь, я больше не могу, я совершенно разбит!...

Он бы продолжил свои жалобы, но тут выскочил заяц, и сотня всадников враспынную кинулась за ним; пальба поднялась пуще, чем при военной стычке. Конь маршала, давно привычный к таким звукам, помчал своего седока, и вмиг обошел всех преследователей. Забавно было видеть, как, наперекор себе, иезуит оказался во главе погони. К счастью, зайца пристрелили, и я нашел преподобного в окружении трех десятков всадников, приписывавших ему честь охоты, которую можно было бы окрестить Оказией.

О. Кане принимал похвалы с наружной скромностью, но в душе исполнился презрением к “*mansuetum*” доброго отца Суареса и радовался тем чудесам, которые, по его мнению, он совершил под носом у г-на маршала. Однако вскоре ему припомнилось прекрасное изречение Соломона: “*Vanitas vanitatum, et omnia vanitas*”¹⁵. По мере того, как он остывал, он начал ощущать все то, к чему был нечувствителен в горячке погони, фальшивая слава уступила место настоящим страданиям, и он пожалел об оставленном им обществе и сладости мирной жизни. Но толку от этих размышлений не было. Надо было добраться до лагеря, его

^e Суета сует, – все суета (Екклес. 1:2).

же так истомил конь, что, казалось, он был готов слезть с Буцефала и пойти во главе пехотинцев.

Я посочувствовал первой его муке и избавил от второй, предложив ему самую смиренную лошадь, какую он только мог пожелать. Он рассыпался в благодарностях, и так проникся оказанной любезностью, что, позабыв о почтении к собственным обетам, заговорил не как осторожный иезуит, а как свободный и искренний человек. Я спросил его мнение о маршале д'Окенкуре. "Это добрый сеньор, – отвечал он, – и добрая душа; наши преподобные отцы весьма ему признательны за разрыв с янсенистами. Но что до меня, то я никогда не сяду рядом с ним за стол, и никогда не одолжу у него лошадь!"

Удовлетворенной этой откровенностью, я решил вызвать его на другую. "Что послужило причиной, – продолжил я, – столь великой вражды между янсенистами и вашими преподобными отцами? Неужто расхождение во мнениях по поводу *благодати*?" "Какое безумие! – отвечал он мне, – Какое безумие полагать, что мы ненавидим друг друга за то, что по-разному толкуем *благодать*! Нас рассорила не *благодать*, и даже не *пять тезисов*: это сделало соперничество за власть над умами¹⁶. Янсенисты нашли нас при власти и захотели отнять ее. Чтобы добиться этого, они прибегли к средствам, противоположным нашим. Мы использовали мягкость и снисхождение, они же выказывали суровость и строгость. Мы утешали души примерами милосердия Господа, а они пугали Его правосудием. Они сеяли страх там, куда мы несли надежду, и хотели поработить тех, кого мы хотели привлечь. Конечно, они, как и мы, стремятся к спасению рода человеческого, но каждый хочет эту заслугу приписать себе. Говоря откровенно, интересы духовного наставника почти всегда ставятся выше спасения того, кто находится под его руководством. Сейчас я говорю совсем не то, что г-ну маршалу. С ним я был чистым иезуитом, а с вами изьясняюсь с военной прямоотой".

Я похвалил его за новый дух, которым он исполнился, благодаря последнему назначению, и, кажется, похвала была ему приятна. Я продолжил бы далее, но приближение ночи заставило нас распрощаться: преподобный отец был доволен моим обращением, а я – его признаниями.

¹ Шарль де Мунши, маркиз д'Окенкур (1599-1658), маршал Франции с 1651 ., во время описываемых событий (август 1654 г.) командовал королевскими войсками, но вскоре (в 1655 г.) присоединился к мятежному принцу де Конде, то есть перешел на службу к испанской короне.

² Жан де Кане (1594–1670) закончил Клермонский коллеж, с 1611 г. был членом Ордена Иисуса. Его перу принадлежит "Собрание писем святейших и наилучших умов древности касательно мирской суетности" (1628). Возможно, что этим объясняется ирония Сент-Эвремона по поводу невольного охотничьего азарта и тщеславия о. Кане (см. ниже).

³ Сент-Эвремон обыгрывает тут выражение "les esprits forts", которое на языке эпохи прежде всего обозначало интеллектуальный либертинаж. Согласно Словарю Академии (1694) так именовали "либертинов, которые нарочито придерживались необычных мнений, учений и нравов". Однако оно могло иметь и положительные коннотации ("человек энергичного, пронизательного, обширного ума"). О. Кане ведет речь о философском (религиозном) вольнодумстве, меж тем как маршал сперва переводит разговор в политическую плоскость (либертины не уважают власть и не признают ее авторитета), а затем переходит к "бравым ребятам", которые совсем "не по части ума", тем самым полностью деконструируя первоначальный смысл выражения.

- ⁴ Речь идет об известном заговоре против кардинала де Ришелье, одним из предводителей которого был Луи де Бурбон, граф де Суассон (1604–1641), или, как его называли, г-н Граф. Правда, если верить кардиналу де Рецу, Суассон “обладал в самой высокой степени, какая доступна смертным, той смелостью души, что обычно зовется доблестью, но он не обладал даже в самой малой мере той смелостью ума, которая зовется решимостью... Его ум был посредственный и, следовательно, подвержен несправедливым подозрениям, а подобный нрав являет собой крайнюю противоположность тому, каким должен быть истинный предводитель партии...” (*Рец, кардинал де. Мемуары. Пер. Ю.Я. Яхниной. М.: Ладомир, 1997. С. 21*). Из-за этой нерешительности он находился во власти своего окружения, в котором важную роль играл Анри д’Экар де Сен-Бонне де Сент-Ибаль (или Сент-Ибар). К нему же принадлежал и Бардувиль, о котором известно лишь, что он был нормандским дворянином и, по некоторым сведениям, другом поэта-либертина Де Барро. Что же касается заговора Суассона, то в нем так же участвовал брат короля Гастон Орлеанский. Когда интрига была раскрыта, граф де Суассон укрылся в Седане, бывшем тогда во владении герцога Буйонского, и обратился за помощью к испанской короне. В 1641 г. он разбил французские войска, которыми командовал маршал де Шатийон, и, одержав победу, был убит случайной (или, как полагали современники, неслучайной) пулей.
- ⁵ Пьер Грюэль Ла Фретт (ум. в 1656 г.) был капитаном гвардейцев Гастона Орлеанского, чей двор считался одним из оплотов либертинажа. Бурную биографию Шарля Антуана де Феррьерера, маркиза де Совбефа (1597–1663), так же деятельного участника Фронды, см.: *Favaliere, Jeanne. Charles-Antoine de Ferrières Sauveboeuf: Gentilhomme, condottiere et frondeur, de Richelieu à Mazarin. Paris: Pilote 24, 2009.*
- ⁶ Франсуа де Монморанси, граф де Бугвиль (1600–1627), знаменитый бретер, казненный за нарушение королевских эдиктов против дуэлей.
- ⁷ Мари д’Авогур де Бретань (1610–1657) была второй женой Эркюля де Рогана, принца де Гемене, герцога де Монбазон (1568–1654). В эпоху Фронды принимала активное участие в интригах, в том числе используя свою близость с Франсуа де Вандомом, герцогом де Бофором (1616–1669). Как писал часто с ней видевшийся Рец: “Герцогиня де Монбазон была красоты замечательной. Однако наружности ее недоставало скромности. Высокомерие и бойкость речи в спокойные времена могли бы заменить ей недостаток ума. На нее нельзя было положиться вполне в делах любовных и совершенно нельзя в делах политических. Любила она одно лишь свое наслаждение и еще более свою выгоду. Я никогда не встречал никого, кто в пороках сохранил бы столь мало уважения к добродетели” (*Рец, кардинал де. Мемуары. С. 123*).
- ⁸ Если верить кардиналу де Рецу, то в феврале 1649 г. ему “показали записку, посланную Окенкуром герцогине де Монбазон: “Перон предан прекраснейшей из прекрасных” (*Рец, кардинал де. Мемуары. С. 149*). Стоит пояснить, что д’Окенкур был губернатором города Перон.
- ⁹ В 1654 г. Арман-Жан ле Бутийе де Ранее (1626–1700) мог быть известен Сент-Эвремону как молодой светский аббат, племянник епископа Турского, друг (и как говорили злые языки, возлюбленный) госпожи де Монбазон. Ее смерть в апреле 1657 г. потрясла Ранее: по легенде, он, еще не зная о внезапной кончине герцогини, зашел к ней в спальню и увидел там ее отрезанную голову (нерадивые могильщики так решили проблему слишком короткого гроба). С этого момента он оставил светскую жизнь, отказался от бенифиций, и, в конце концов, в 1662 г. удалился в цистерианский монастырь, номинальным настоя-

телем которого он был с 1637 г. Однако слава аскетического ордена траппистов и его аббата мало трогала Сент-Эвремона, принципиального противника любых религиозных и философских крайностей. Что касается янсенизма, то Сент-Эвремон (или д'Окенкур) заблуждается: Ранее не принадлежал к числу последователей Сен-Сирана. Момент его наибольшего сближения с "отшельниками Пор-Рояля" (см. след. сноску), по-видимому, приходился на период между 1657 и 1662 гг., когда под руководством Арно д'Андильи (брата "великого Арно") он познакомился с жизнеописаниями отцов-пустынников.

¹⁰ Первые "отшельники Пор-Рояля" появились в 1637 г., когда, под влиянием аббата де Сен-Сирана, молодой адвокат Атуан Ле Метр (1608–1658) и его младший брат решили удалиться от мира и поселились рядом с монастырем Пор-Рояль. Это решение произвело большое впечатление в обществе и вызвало неудовольствие кардинала де Ришелье. Тем не менее к 1640-м гг. община "отшельников" утверждается в качестве одного из центров духовного притяжения эпохи. Она не имела устава: это было сообщество единомышленников, последователей Янсения и Сен-Сирана, стремившихся жить в соответствии с христианскими идеалами. Состав общины был довольно подвижен. Многие, как Паскаль, проводили у "отшельников" некоторое время, а затем возвращались к обычной жизни. Вместе с монастырем "отшельники" прекратили свое существование в 1679 г. Что касается о. Демаре, то он принадлежал к ораторианцам и был известным проповедником.

¹¹ Город Стене в Арденнах принадлежал мятежному принцу де Конде. Он был осажден королевскими войсками 3 июня и капитулировал 6 августа 1654 г.

¹² Наряду с принцем де Конде, Анри де Ла Тур д'Овернь, виконт де Тюренн (1611–1675), маршал Франции (1643), был самым знаменитым полководцем эпохи. Жак д'Этамп, маркиз де Ла Ферте-Эмбо (1590–1668), получил звание маршала Франции одновременно с д'Окенкуром в 1651 г.

¹³ В первых числах апреля 1652 г. принц де Конде атаковал королевские войска, находившиеся под командованием Тюренна и д'Окенкура. Если верить Рецу, то Тюренн "еще утром предупредил маршала д'Окенкура, что его войска стоят слишком далеко друг от друга и это опасно". В итоге армия д'Окенкура была разгромлена, а Тюренн, благодаря умелому маневру, смог вывести свои силы на выгодную позицию и заставил Конде отступить (см.: *Рец, кардинал де Мемуары*. С. 476)

¹⁴ Франциско Суарес (1548–1617), испанский теолог, член Ордена Иисуса, выступавший против "божественного права" королей. Что касается дона Алонсо Переса де Гусман "Эль Буэно", седьмого герцога де Медина-Сидония (1550–1615), то он в основном известен как неудачливый и неудачный командующий Непобедимой Армады.

¹⁵ Богословская традиция XVII в. отождествляла Екклесиаста с царем Соломоном.

¹⁶ Проблема благодати была центральным элементом доктрины Корнелия Янсения, епископа Ипрского (1585–1638), изложенной в его монументальном труде "Августин" (1640). Согласно ей, благодать – Божественный дар, которым наделен не каждый человек. Без благодати нет спасения, то есть судьба человека predetermined заранее и не может быть искуплена добрыми делами и действительной добродетелью. В 1649 г. Сорбонна резюмировала "заблуждения" последователей этого учения в пяти тезисах, извлеченных из "Августина" и,